

Глава 4

Служанки вывели Чу Юаня из зала и, миновав длинную галерею, свернули в безлюдную часть поместья.

Чу Юань вдруг остановился и высвободил свои руки из их хватки. Голос его, приглушенный красным покрывалом, звучал подчеркнуто спокойно, хотя в нем и слышалась едва уловимая дрожь:

— Благодарю. Дальше я дойду сам.

Лэ Шу поспешно подбежал к ним сзади и, заискивающе улыбнувшись, пояснил:

— Старшие сестрицы, мой господин не привык к услугам незнакомых людей. Позвольте мне самому позаботиться о нем.

Фан Я и Фан Фэй одарили юношу неприязненными взглядами. Не сказав ни слова, они демонстративно развернулись и зашагали прочь, даже не думая ждать остальных.

Лицо Лэ Шу то бледнело, то краснело; вымученная улыбка окончательно сползла с его губ.

«Хорошо еще, что Его Высочество под покрывалом и не видит их надменных лиц, — горько подумал слуга. — В этом доме все, от хозяина до последнего лакея, ни во что его не ставят»

Внезапно Чу Юань мертвой хваткой вцепился в запястье слуги. Его спина, до этого прямая и напряженная, бессильно согнулась, а красное покрывало соскользнуло на землю.

Лэ Шу побелел как полотно:

— Принц?!

Дыхание Чу Юаня стало прерывистым и тяжелым. Лицо его было мертвенно-бледным, зрачки расширились, а по щекам градом катился холодный пот. Все его тело сотрясала крупная дрожь.

Он мгновенно вспомнил давящую тишину зала и у него защемило сердце от раскаяния.

Он поспешно усадил господина на край галереи и принялся мерно поглаживать его по спине:

— Ваше Высочество, всё позади. Дышите глубже... Медленно. Вдох, выдох... Вот так, хорошо. Всё уже закончилось.

Фан Фэй и Фан Я, размахивая фонарями, прождали у входа во Двор Объятий Весны целую

вечность. Так и не дождавшись гостей, они, закипая от злости, отправились назад.

Издали они увидели, что эти двое как ни в чем не бывало сидят под навесом и о чем-то переговариваются.

— У супруга князя, видать, тяга к прекрасному — вздумал любоваться видами в такой холод? — едко бросила Фан Я, подходя ближе. — Только в следующий раз извольте предупреждать слуг, чтобы мы не мерзли на ветру зазря.

Лэ Шу вскочил и заслонил собой Чу Юаня еще до того, как они приблизились.

— Моему господину внезапно стало нехорошо, пришлось передохнуть, — холодно отрезал он. — Мы люди здесь новые, дорог не знаем и бродить наугад по чужому дому не смеем. А вот вы, сестрицы, видать, девицы крепкие, раз летите так, что за вами не угнаться.

Фан Фэй злобно прищурилась:

— Ах ты, дерзкий холоп! Как ты смеешь так разговаривать в поместье Третьего принца? Видать, расхотелось вам сегодня под крышей почивать.

Чу Юань пришел в себя. Холодный пот пропитал его одежду, и от каждого порыва ледяного ветра по телу пробегала колючая дрожь. Он медленно поднялся.

— Не припомню, — его голос зазвучал чисто и холодно, — чтобы кто-то давал вам право кричать на своего господина.

Стояла густая тьма. Слуга преграждал девушкам путь, а тусклый свет свечей не позволял им разглядеть лицо Чу Юаня.

Услышав этот властный тон, служанки лишь презрительно хмыкнули, но перечить в открытую не решились.

— Идите уж, — бросила Фан Я. — Вечно с вами одни хлопоты.

Они развернулись и зашагали вперед.

Лэ Шу поддержал Чу Юаня под локоть. Они держались в десяти шагах позади служанок, почти растворяясь в ночной тени.

С неба повалил густой снег. Ветер больно хлестал по лицу, и вскоре на волосах путников заблестели белые хлопья.

Дойдя до Двора Объятий Весны, Фан Фэй грубо распахнула дверь и тут же отступила в сторону, кутаясь в одежду вместе с подругой.

— Пришли. Проходите, Ваше Высочество, а мы уж здесь останемся — незачем нам внутрь заходить.

Лэ Шу, которого до глубины души возмущало их нахальство, намеренно произнес:

— Дядя Мао ясно сказал: вы двое должны прислуживать принцу.

— Кого ты пугаешь? Кто вообще захочет ему прислуживать? — ядовито рассмеялась Фан Я. — «Принц», надо же... В этом доме есть только один Третий принц. А некоторым стоило бы поскорее осознать свое место, чтобы не выглядеть посмешищем.

Лэ Шу вспыхнул от ярости:

— Вы!..

— Мы с сестрой всегда ходили за самим князем, а сюда нас сослали на беду, — надменно перебила его Фан Фэй. — Все в поместье знают, что этот двор — самое гиблое и глухое место. Третье Высочество вас видеть не хочет, а нам теперь из-за этого страдать?

Она даже не называла себя «служанкой», окончательно перестав соблюдать приличия.

— Но ведь...

— Лэ Шу, не трать на них слова, — голос Чу Юаня был спокоен, но в нем сквозила ледяная отчужденность. — Если эти девицы желают служить кому-то другому — пусть идут. Никто их не держит.

В этот миг налетел резкий порыв ветра. Снежный вихрь закружился у входа, фонарь качнулся, и тусклый свет на мгновение озарил лицо Чу Юаня.

Лишь на краткий миг.

Слуга тут же загородил собой свет, заметив, что Чу Юань уже вошел в сад и внешне кажется спокойным. Он облегченно выдохнул.

— Хм! — он резко развернулся и захлопнул ворота прямо перед носами служанок.

Девушки застыли как громом пораженные. Прошло немало времени, прежде чем Фан Фэй пришла в себя. Она округлила глаза и вцепилась в руку подруги; ее миловидное лицо исказилось от недоброго чувства.

— Ты видела? Лицо...

Она не договорила, но Фан Я и без слов всё поняла.

Она тяжело задышала, вспоминая тот мимолетный образ в свете свечи. Ее лицо потемнело.

Они обе были уверены, что принц из государства Чу — ничем не примечательный посредственный юноша, именно поэтому его семья так легко избавилась от него, выдав замуж за мужчину.

Но сегодня... Увиденный во тьме, он казался неземным созданием, сияющей жемчужиной. От его чистого, возвышенного облика невольно перехватывало дыхание.

Может ли быть, что Третьему принцу не придется по душе такая красота?

Служанки переглянулись, и в глазах каждой вспыхнула тревога.

В огромном поместье они были единственными женщинами-слугами. Раньше они прислуживали у дверей кабинета князя и каждый день видели Лу Жунхуая. Его безупречное, мужественное лицо давно лишило их покоя.

Какую бы дурную славу ни приписывали князю Ли в народе, их девичье восхищение было сильнее страха.

Каждая втайне лелеяла мечту: однажды взлететь ввысь, превратившись из прислуги в благородную особу. Даже роль наложницы стала бы для них пределом мечтаний.

Они гордились своей внешностью и, пользуясь отсутствием конкуренток, часто ленились и вели себя заносчиво.

Но стоило им увидеть лицо Чу Юаня, как в их душах ядовитым сорняком проросла черная зависть.

— Чего бояться? — процедила Фан Я. — Если дядя Мао поселил его здесь, значит, князь его не жалует. Пусть гниет в этом захолустье.

Фан Фэй кивнула.

— Нам всё еще нужно здесь торчать? — Фан Я покосилась на закрытые ворота.

Подруга помедлила, а затем в ее глазах мелькнул хитрый блеск.

— Раз дядя Мао велел — будем служить. Но только так, чтобы этот «красавец» и шагу не мог сделать к Его Высочеству.

— Хочешь сказать, запереть его здесь?

— Князю на него плевать. Нам нужно лишь крепко стеречь этот двор, и тогда, каким бы совершенством он ни был, из этого омота ему не выбраться.

— А ты умна, — усмехнулась Фан Я.

Фан Фэй заглянула в щель деревянной двери. Внутри стояла непроглядная тьма. Она презрительно хмыкнула, поправила шпильку в волосах и лениво протянула:

— Наш господин утомился в дороге, небось и от ужина откажется. Пойдем и мы отдыхать, время-то позднее.

****Двор Объятий Весны****

В комнате царил мрак, но двое путников, привыкшие к жизни без света, без труда подошли к постели.

Лэ Шу наклонился и потрогал одеяло. Ткань оказалась ледяной и подозрительно влажной.

— Здесь же невозможно спать! Оно всё отсырело и такое тонкое... Ваше Высочество, как же вы выдержите в таком холоде? — возмутился слуга.

— Больше не называй меня так. Я давно лишился всех титулов, — Чу Юань оперся о резную стойку кровати. Он был истощен и физически, и духовно. — Здесь есть крыша над головой, и это уже немало. На улице мороз, будем спать вместе.

— Господин, вы знатного рода, а я всего лишь слуга. Я улягусь прямо здесь, на полу, — юноша положил на постель свой узел и в темноте ловко встряхнул одеяло, помогая Чу Юаню лечь.

Чу Юань грустно усмехнулся:

— Мы выросли вместе. В храме мы не раз спали прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Почему же здесь ты вдруг вспомнил о приличиях?

— Там всё было иначе, — серьезно ответил Лэ Шу.

Раньше жизнь в горах была суровой, и зимними ночами, когда у его господина леденели руки и ноги, он часто согревал их своим теплом. Но теперь Чу Юань стал супругом в поместье князя Ли. И как бы слуга ни противился этому в душе, статус его господина изменился.

Это был чужой дом, и он не смел допускать оплошностей, которые могли бы навредить Чу Юаню.

Чу Юань замолчал. Тьма скрывала выражение его лица, но голос звучал на удивление ровно:

— Зима суровая, на полу ты простудишься. Здесь только мы. Ложись рядом.

— Но господин... А если Третье Высочество заглянет?.. — замялся Лэ Шу.

Голос Чу Юаня был бесстрастным, но твердым:

— Он не придет.

— Не забивай себе голову. Спи.

Юноша подумал, что если он сляжет с лихорадкой, то некому будет заботиться о господине. Оставив возражения, он забрался в ноги кровати и, свернувшись калачиком, укрылся краем одеяла.

Какое-то время в темноте стояла тишина.

— Господин, вы не голодны? — тихо спросил слуга.

Вчера он спрятал в узле лепешку. Она давно остыла и зачерствела, но это было лучше, чем пустой желудок.

— Нет. Спи.

Спустя четверть часа дыхание Лэ Шу стало ровным и глубоким.

Чу Юань открыл глаза.

Он долго всматривался в очертания полога над головой, а затем бесшумно приподнялся. Перебравшись к слуге, он осторожно и нежно укрыл его одеялом до самых плеч.

«Глупый мальчишка... Укрылся самым краешком, к утру бы совсем закоченел»

Одеяло было набито хлопком, но из-за влажности и отсутствия солнца оно совсем не грело.

Чу Юань снова лег, свернувшись калачиком, но ледяной холод всё равно просачивался сквозь одежду, пробирая до костей.

В такой обстановке уснуть почти невозможно. Но он знал: если не уснет, голод станет невыносимым. Сон был единственным спасением от пустоты в желудке.

Мысли его путались, тело сковала тяжелая усталость. Постепенно веки сомкнулись, и он погрузился в тревожное забытие.

****Кабинет****

В ярко освещенном помещении Лу Жунхуай бросил окровавленный платок в таз с водой. Сянь Фэн подошел к нему с лекарствами и бинтами, привычными движениями перевязывая рану на плече князя.

— Мой князь, генерал Чжао и господин Чэн прибыли, — вошел Сянь Юй, почтительно склонив голову.

— Пусть входят, — Лу Жунхуай поднялся и взял приготовленную чистую одежду. — Прием окончен?

Сянь Юй кивнул:

— Да, гости разошлись полчаса назад.

Лу Жунхуай надел нижнее платье, накинул на плечи верхнее одеяние и, миновав ширму, вышел в основную часть кабинета.

Чжао Лу по-хозяйски расположился в кресле, неторопливо попивая чай.

С другой стороны сидел Чэн Чжи в простом сером халате. Поглаживая длинную бороду, он, казалось, дремал.

Генерал Чжао мельком глянул на вошедшего хозяина и втихомолку усмехнулся.

Едва слышались шаги, Чэн Чжи открыл глаза и поспешно поднялся для поклона. Его лицо выражало искреннюю тревогу:

— Слышал, Ваше Высочество ранены? Что произошло?

— Пустяки, — Лу Жунхуай жестом велел ему сесть. — Прошу, господин Чэн.

Князь сел за стол. Перед ним стояла лаковая шкатулка с узором из облаков. Он открыл ее и достал три запечатанных письма.

Чэн Чжи, видя, что Третье Высочество не склонен к откровениям, перевел вопросительный взгляд на Сянь Фэна.

— Пять дней назад мы сопровождали Его Высочество по делам за город. Планировали вернуться к полудню, но в пути возникли... осложнения, — Сянь Фэн запнулся, и на его лице промелькнула тень досады. — С тех пор как князь в шестнадцать лет покинул дворец, на него постоянно нападают. Эти люди — профессиональные убийцы, мертвецы, от которых не добьешься ни слова.

Чэн Чжи сокрушенно покачал головой:

— Какая низость... Кто же может быть настолько жесток, чтобы раз за разом пытаться извести Его Высочество?

— Да кто же еще, как не...

— Сянь Юй, — Лу Жунхуай поднял на него тяжелый взгляд, полный скрытой угрозы.

Стражник понял, что сболтнул лишнего, и поспешно покаянно склонил голову.

Лу Жунхуай отвел взор и вскрыл первое письмо. Его глаза стали холодными и глубокими, как ночное море.

— Чжао Лу, ты пришел сюда чай распивать да за хозяином подглядывать?

Чжао Лу, пойманный на месте преступления, со смешком отставил чашку и потер затылок:

— С моей стороны, господин, никаких проблем нет.

Едва он договорил, как четыре пары глаз в комнате синхронно уставились на него.

<http://bllate.org/book/15308/1354306>